

ИЛЬИНСКИЙ ИГРАЕТ Льва ТОЛСТОГО

Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Игорь Владимирович Ильинский в спектакле Малого театра по пьесе И. Друцэ «Возвращение на круги своя» играет роль Льва Толстого. Ленинградская газета «Смена» и газета «Московский комсомолец» поместили беседы с артистом, в которых И. В. Ильинский коснулся и работы над своей недавней ролью. С фрагментами этих интервью сегодня знакомим читателей «Рампы».

— Игорь Владимирович, было бы интересно узнать о ваших самых ранних впечатлениях, связанных с Толстым.

— Знакомство с Толстым началось у меня давно, в раннем детстве. Мне, пятилетнему мальчику, прочитали рассказ, вернее басню в прозе «Старый дед и внучок». Если помните, это истинная история о том, как ребенок невольно пристыдил родителей за жестокое отношение к дряхлому деду. Она буквально пронзила меня, заставила первый раз понять, как важно внимание, уважение к человеку, особенно в его старости. Острота детского впечатления не изгладилась до сих пор.

— Вообще в нашей семье существовало настоящее преклонение перед Толстым. Читали его книги, много говорили, спорили о нем. Моя мать увлеклась толстовскими идеями, особенно в области воспитания и даже применяла их на деле. Я очень благодарен ей и считаю, что многим в своем характере обязан этому влиянию. И сам, будучи отцом, а потом и дедом, старался использовать лучшее из педагогического опыта моей матери.

— При каких обстоятельствах произошла ваша первая творческая встреча с толстовским наследием?

— Любовь к Толстому прошла через всю мою сознательную жизнь. С годами она росла, крепла. Больше того: творчество Толстого постепенно становилось для меня самым близким во всей русской литературе. Все сильнее привлекала его исполнительная личность. Понятно, что я как актер давно мечтал о том, чтобы попробовать силы в исполнении произведений Толстого. Но в театре много лет не доводилось встретиться с его образами. Долго не решался начать чтение Толстого с концертной эстрады. Считалось, что моему амплу больше соответствует ранний Чехов, Зощенко. А я думал о лучших страницах «Войны и мира» — встреча с дубом, поле

Аустерлиц, свидание Наташи с умирающим князем Андреем... Решился, однако, начать с «Истории Карла Ивановича». Было это в начале 30-х годов. Помню страх перед первым выступлением и ощущение полноты провала после концерта. И все же я не бросил этого дела: продолжал работать, искать. Усилил, как видно, не пропади даром. Во всяком случае отрывок и поныне находится в моем активном репертуаре.

— Большой успех принесло вам выступление в образе Акима из спектакля Малого театра «Власть тьмы»...

— Думаю, что в этой работе больше всего помогла мне вера в Толстого, в его глубокую правду, справедливость и истинность нравственных начал. Пока не пришло это абсолютное доверие автору, было очень сложно разобраться во всех тонкостях роли. А потом я начал понимать, что любая мелочь в ней, даже самые, казалось бы, незначительные слова Акима, вроде его знаменитых «тае» и «значит», несут свою очень важную смысловую нагрузку. Играя Акима, стал испытывать наслаждение от того, что мог высказать толстовскую мысль, говорить как бы от имени самого Толстого. Ведь не раз замечалось, как близки многие суждения Акима мировоззрению его великого создателя.

— Расскажите, пожалуйста, как вы готовили роль Льва Толстого.

— А знаете, ведь поначалу от этой роли я отказывался, считал, что она мне не по силам. Да и сейчас еще, признаться, пребываю в сомнениях... Пугал сам факт облачения во внешний образ Льва Николаевича. И потом — как вообще можно сыграть величайшего писателя земли!.. Однако кропотливый труд и огромное терпение драматурга Иона Друцэ и режиссера Бориса Раевских сделали свое дело, и, если у меня все-таки что-нибудь получилось, то это прежде всего их заслуга...

Пьеса сложнейшая, и связано это в первую очередь с тем, что весь текст в ней — строго документален. Наверное, вы недоумеваете: «Ну и что, мол? Почему, мол, документализм создает вдруг для актера такие дополнительные трудности?» Сейчас объясню. Да, в спектакле я действительно говорю словами самого Толстого, но все дело в том, что в жизни Лев Николаевич этих слов не произносил. Он их записал. Его слова извлечены из дневника, писем... А дневник и письма, согласитесь, — все-таки не живая речь, и поэтому текст пьесы вышел суховатым... Правда, когда Друцэ читал пьесу нам в театре впервые, никто всех этих «орешников», которые раскусить совсем не просто, тогда не заметил — потому что мы сразу же ощутили в ней особый нравственный кислород, и этот кислород буквально обжег нам дыхание... Пожалуй, в процессе работы над ролью в моей актерской психике произошел какой-то переворот. Впрочем, он и не мог не случиться: столь долгое общение с Толстым для художника даром не проходит.

Хотел бы упомянуть еще об одной сложности. Я очень опасался, играя Толстого, власть в назидательный, поучительный тон, как-то: специально подчеркивать мудрость, значительность, величие его личности. Это, казалось мне, способно ополщить исполнение. С другой стороны, полный отказ от этих красок мог повести к мельчанию, снижению образа, искажению его смысла. Надо было балансировать между двумя крайностями, отыскивать особые формы выражения и актерские приемы.

— Какие же мысли, чувства вашего героя оказались наиболее близкими для вас?

— Очень дорога мне одна из идей спектакля, создающих в немалой степени драматизм центрального образа. Это толстовская мысль о том, что каждый человек, проповедующий высокие нравственные принципы, должен сам неукоснительно следовать им.

О том, что истинное знание всегда самостоятельное, — это слова Льва Толстого. Только тот, кто все полученное от других переваривает в самом себе, делает в полном смысле слова своим, только он становится обладателем истинного знания.

30 НОЯ 1978

«Ленинская смена»
г. Горький